

СТРАСТЬ, БОРЬБА, МУДРОСТЬ,
МОГУЩЕСТВО И СЕКРЕТЫ ОДНОГО
ИЗ ВЕЛИЧАЙШИХ ЦАРЕЙ ЕГИПТА

После смерти царицы Хатшепсут Египет погрузился в траур. По мнению приближенных царицы, ее наследник Тутмос III совершенно не способен к правлению. Народ ропщет, в провинциях зреет мятеж, высшие чиновники плетут заговоры. А молодой фараон увлечен лишь древними текстами и ритуалами. Он не может править, пока у него нет супруги. Красавица Меритре, дочь храмовой наставницы, стала бы для него прекрасной партией. Но сердце Тутмоса принадлежит арфистке Сатъе, девушке из простой семьи. Согласится ли она принять бремя власти во дворце, полном льстецов и интриганов, в такой трудный для Египта час?

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-6067-2

9 786171 260672

КРИСТИАН ЖАК
ФАРАОН

КРИСТИАН ЖАК
ФАРАОН

ΦΑΡΑΟΗ

CHRISTIAN JACQ
PHARAON
MON ROYAUME EST DE CE MONDE

ROMAN

XO
EDITIONS

КРИСТИАН ЖАК
ФАРАОН

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.133.1
Ж22

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Переведено по изданию:
Jacq C. Pharaon. Mon royaume est de ce monde :
Roman / Christian Jacq. — XO éditions, 2018. — 572 p.

Перевод с французского *Наталии Чистюхиной*

Дизайнер обложки *IvanouITCH*

Иллюстрации *Эрика Хорнунга*,
Das Amduat, Висбаден, 1963

ISBN 978-617-12-6067-2
ISBN 978-2-37448-102-9 (фр.)

© XO Éditions, 2018. All rights reserved
© DepositPhotos.com / konstantynov, dimabl, обложка, 2019
© Hemiroltd, издание на русском языке, 2019
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2019

Фараон создает все сущее, он — тот свет, благодаря которому все живет.

Фараон — канал, отводящий воду из могучей реки,
Прохладная комната, где каждый обретает отдых,
Опора из божественного металла, которая держит наши стены,
сухое и теплое убежище в зимнюю пору,
Сила, которая останавливает врага у наших границ.
Фараон строит небесный город.

И даже после его кончины сияние Фараона осеняет тех,
кто читает его писания.

*Выдержки из «Техстов Пирамид»,
«Поучений», оставленных фараонами
своим наследникам, и гимнов,
прославляющих царей*

Пролог

Молния ударила в трех шагах от Старика. И хорошо, что ослик по кличке Северный Ветер вовремя его растолкал, иначе разгневанные небеса могли бы отнять у Старика самое дорогое — его жизнь, а вместе с ней и умение тонко различать вина.

Пролетев над тропинкой, огненный шар выжег полосу на пшеничном поле. И в следующее мгновение на великолепный южноегипетский город Фивы¹ обрушился ливень.

— Одни беды от этих дождей, — пробормотал Старик, бегом направляясь к своему дому, со всех сторон окруженному виноградниками. Производимое им вино было отменного качества, его подавали к столу самого фараона.

Женщины-фараона, которая сейчас медленно угасала. Великая царская супруга, вдова, а затем и регент, Хатшепсут вознеслась к вершинам власти, но теперь ее царствование подходило к концу.

Радея за мир и процветание, царица Хатшепсут властвовала решительно, с улыбкой на устах. Ее кончины подданные ожидали как величайшего несчастья, поскольку ее преемнику, по всеобщему убеждению, бремя верховной власти было не по силам.

Правда, ну какой из него правитель? Тутмосу, третьему по счету носителю династического имени, едва исполнилось восемь, когда совет мудрейших провозгласил его фараоном. По обычаю предков, Хатшепсут, приходившаяся ему теткой, стала править как регентша, но вскоре случилось нечто необычайное:

¹ То же, что и Уасет, «город скипетра» или «властвующий город». (Здесь и далее примеч. автора, если не указано иное.)

оракул богатейшего Карнакского святилища, посвященного богу Амону, благословил ее на царство!¹ И впервые за свое долгое существование Египет получил двух правителей одновременно.

Как отреагировал на это молодой Тутмос? Самоустранился. Власть его совершенно не интересовала. Юноша усердно изучал древние писания и обряды, увлекался ботаникой, был доволен своим беззаботным существованием и не видел ничего зазорного в том, что во время официальных церемоний всегда стоял позади Хатшепсут, твердой рукой державшей кормило государственной власти.

А гроза все никак не утихала, несчетные молнии полосовали небо. Гнев бога Сета обрушился на страну, которая вот-вот вверит себя бездарному правителю... И крах ее будет стремителен и страшен.

Несмотря на непрекращающийся грохочущий ливень, жара стояла жуткая — не продохнуть. И заснуть было невозможно. Обычно очень смирный, Северный Ветер не смыкал глаз и вел себя беспокойно, словно предчувствуя катастрофу.

Назавтра Старику полагалось доставить ко двору десяток кувшинов красного вина с клеймом «Вкуснейшее». Но праздничное застолье в честь правительницы вряд ли состоится: по слухам, рассвета Хатшепсут уже не увидит. Того самого рассвета, который не озарит Египет — скорбящий по ней, наказанный небесами, — ибо ущерб полям, городам и селам стихия нанесла немало. И некому повелевать, некому указать путь в будущее...

1

Из вещей я больше всего дорожу пеналом-палеткой с принадлежностями, какими пользуются писцы. Он всегда при мне, и каждый вечер я сам его вычищаю. Он деревянный, с одним

¹ Хатшепсут правила двадцать два года, с 1479 по 1458 гг. до н. э. (даты указаны ориентировочно).

узким углублением для каламов¹, перьев и кисточек и двумя чашеобразными — для прессованных чернил, красных и черных. К пеналу прилагаются ступка, в которой чернила измельчают, ковшик с водой, чтобы их развести, а еще — нож для папируса, чтобы отрезать листок подходящего размера, и моя печать.

Царская печать... И принадлежит она монарху, который двадцать два года назад взошел на трон и с тех пор ни минуты не правил. Я был еще очень мал, когда моя мать Исида, великая царская супруга фараона Тутмоса II, скончавшегося после очень недолгого правления, отвезла меня в Карнакский храм.

Эту долгую, до крайности утомившую меня церемонию я помню поминутно. Бесстрастные жрецы омыли мое тело, сменили одежду — мне предстояло принять участие в шествии, которое возглавлял верховный жрец Амона, нашего бога-покровителя. В самой середине кортежа на носилках несли изваяние этого божества.

Внезапно процессия остановилась.

Статуя Амона устремила на меня долгий взгляд, а потом поклонилась. Со всех сторон послышались восторженные клики жрецов: «Многая лета! Здоровья и благоденствия царю Египта!»² Я был уверен, что обращаются они не ко мне, но тут престарелый священнослужитель со строгим взором возложил мне на голову двойную корону, символизирующую единство Севера и Юга. Затем меня провели в Дом Жизни³, чтобы там я восславил Осириса, восторжествовавшего над смертью.

Тетушка, столь же красивая, как и властная, объявила, что править страной будет она — до тех пор, пока я не смогу делать это сам. Но судьба распорядилась по-иному.

¹ Калам — остро отточенная тростинка для письма. (*Примеч. ред.*)

² Предположительно это событие имело место 28 апреля 1749 г. до н. э.

³ Так назывались культурные учреждения при древнеегипетских храмах, включавшие в себя школу, хранилище сакральных предметов и текстов, библиотеку, читальные залы. (*Примеч. пер.*)

Когда умерла мать, я заглушал свою горе изучением древних писаний, датируемых эпохой великих пирамид. Изречения мудрецов — я мог читать их и перечитывать бесконечно. В библиотеке Дома Жизни часы для меня пролетали незаметно. Переписывание наставлений древних стало для меня наивысшим удовольствием, а участие в религиозных ритуалах приносило неподдельную радость. Когда Хатшепсут провозгласили фараоном, у меня отлегло от сердца. Она знала всю подноготную власти, заботилась о счастье своих подданных и сумела бы сохранить богатства Двух Земель¹, Нижнего и Верхнего Египта. Ее принципиальность и осведомленность были всем известны... Женщина-фараон неизменно приглашала меня на официальные празднества, объясняла свои решения и просила их одобрить, хотя на деле ничуть в этом не нуждалась. А мне в такие моменты хотелось поскорее вернуться в храм, к чтению и письму. Мое имя — «сын Тота», бога-покровителя писцов и ученых — определило мой характер.

Я и думать забыл, что правление Хатшепсут когда-нибудь закончится. С увлечением вникая в тексты, раскрывающие тайны богов и вечной жизни, я не представлял, что правительница, столь уважаемая всеми, обеспечивавшая процветание целой страны, вдруг умрет.

Царица слегла внезапно. И вопреки усилиям лучших лекарей и упорству, с каким она борется за жизнь, надежды нет... Уже неделю Хатшепсут не встает с постели, текущими делами распоряжается первый министр. Ей дают болеутоляющее, чтобы она не мучилась, и роковая развязка близка.

Развязка, которая принудит меня занять ее место и царствовать. Необходимость, приводящая меня в отчаяние. Можно ли этого избежать? Созвать совет мудрейших и попросить их пересмотреть свое решение, убедить избрать другого правителя, получше?

¹ Одно из самоназваний страны в династический период. (Примеч. пер.)

Гроза, сполохи молний, проливной дождь... Из окна моей опочивальни я слежу за тем, как небеса негодуют. Суждено ли Египту пережить кончину этой исключительной, незаменимой женщины? Я не в состоянии принять этот вызов, побороть трудности, которые для меня непосильны.

Вдруг из-за черных туч появляется прекрасный белый ибис, символ бога Тота, и, раскинув крылья, планирует вниз, к дворцу. На пару мгновений, которые кажутся мне бесконечными, птица замирает в полете, и взгляд ее пронзает мне душу.

Он запрещает мне бежать.

Бог Тот напоминает, что с тех пор, как Амон избрал меня, я — не такой, как все, и не имею права отступить.

Освещаемый отблесками молний, ибис улетает на запад...

Раздается стук в дверь — нервный, нетерпеливый.

Это главный дворцовый управитель, и лицо у него озабоченное.

— Ваше величество, царица возвратилась к свету, из которого была рождена. Трон опустел.

Известие о смерти Хатшепсут не укладывается у меня в голове. Мне просто не верится, я не в состоянии представить ее последствия. Главный управитель ждет от меня каких-то слов, но я ограничиваюсь кивком.

Он удаляется.

И я остаюсь один.

Один перед лицом богов и людей. Единственный, кто в ответе за благосостояние моего народа. Того, что Амон, Тот и Большой совет избрали меня на царство, недостаточно; нужно завоевать любовь простых людей. Со времен первой династии это ключ к власти.

Мною овладевает странное чувство, равного которому по силе я прежде не испытывал: я люблю свою страну — всю, от края до края, — с ее небом, землей, великой рекой, храмами, жителями, стадами, сменой сезонов, ее днями и ночами! Она — воплощение жизни во всем ее великолепии. И отныне моим долгом будет ее оберегать.

Под пристальным взглядом ослика Старик метнул кости.

— Опять проиграл! — заявил паренек-батрак, с которым и шла игра. Затычки для кувшинов, которые он делал из травы и соломы, у него получались отменные. — С тебя малый кувшин пива!

— Ладно, ладно! Тебе все время везет, даже странно.

— Вот я и пользуюсь, пока удача не переменялась... Во дворце сейчас такая кутерьма! Молодой Тутмос, по слухам, хочет и дальше читать свои книги в Доме Жизни, и претенденты на трон уже передрались, пытаюсь выслужиться перед Большим советом.

— Люди везде одинаковые, сынок.

— Вот нашу царицу — ту все любили! Ни с кем мы не воевали, все ели досыта, а на праздниках и вовсе живот мог лопнуть!

— Должно же это было когда-нибудь кончиться...

— Если ты про беспорядки в Фивах, то северяне вмешаются, так ведь? Опять сцепятся между собой, а что толку?

Батрак не так уж заблуждался. Гроза, насланная Сетом, нанесла немалый ущерб, но, похоже, это был не конец. Египет еще помнил мрачные времена владычества захватчиков-гиксосов, изгнанных из страны по воле храброй царицы.

Как обычно после кончины фараона, страна переживала глубокий траур. Трон пустовал, порядок в государстве оказался под угрозой, мужчины перестали бриться. Были отменены все праздники, работы на крупных стройках могли в любой момент остановиться — народ Египта прозябал в неизвестности и страхе. Траур продолжался семьдесят дней — столько же, сколько и процесс мумификации усопшего, после чего проводился ритуал возрождения и душа его возносилась на небеса, чтобы вечно блистать там среди звезд.

Затем Большой совет провозглашал имя нового фараона, и коронацию со всеми сопутствующими ей церемониями египтяне встречали бурным ликованием.

Однако в этот раз ситуация была неслыханной. Законный монарх, никогда не занимавшийся государственными делами, Тутмос III, по всеобщему мнению, был совершенно не способен править. А ведь стране, не имеющей могущественного и решительного властелина, который заставляет все слои общества почитать принципы Маат — справедливость, правдивость, прямолинейность и сплоченность, — грозят неисчислимые несчастья!

Склонный видеть все в черном цвете, Старик был уверен, что конец Двух Земель, скорее всего, настанет из-за гражданской войны. И случится это, разумеется, по вине двадцатидевятилетнего царя, который так увлекся научными изысканиями в храме, что совсем забыл о народе. Боги и Большой совет допустили огромную ошибку, избрав этого ребенка. Оставалось надеяться, что кто-нибудь из родичей покойной, в достаточной мере сведущий, возьмет власть в свои руки и ничего катастрофического не произойдет. Если, конечно, эти руки не будут связаны междоусобицами...

Только фараон, любимый своим народом, крепко держит кормило власти, и страна его благоденствует! Разве годится на эту трудную роль эрудит, давно удалившийся от мира, ничего не смыслящий в государственной политике, не знающий нужд своей страны?

— Сыграем еще партию?

— Сейчас самое время вздремнуть, — напомнил Старик. — Вот бы приснилось что-то приятное...

* * *

Немолодой, опытный, пользующийся всеобщим уважением и на всех наводящий страх, первый министр Узэр¹ созвал —

¹ Его полное имя — Узер-Амон, т. е. «Амон могущественен и богат». В Древнем Египте занимаемая им должность именовалась *тяти* (чати, тжати), «тот, кто за занавесями», то есть тот, кто разговаривает с царем наедине, «за занавесями», и знает все государственные тайны. В литературе, к сожалению, широко распространен термин «визирь», неподходящий к данной ситуации и пришедший из османской культуры.

и под большим секретом! — своих главных соратников. В его просторном поместье в Фивах имелись мастерские, хлева, пекарня, пивоварня и скотобойня — настоящий улей, в котором трудились десятки работников.

Высокопоставленные чиновники расположились в рабочей комнате хозяина дома. Из ее окон открывался вид на прямоугольный, утопающий в зелени пруд.

— Мумификация почти закончена, — объявил первый министр. — Похороны состоятся в конце недели. Еще немного, и нужно будет что-то решать!

— Вы виделись с царем? — спросил министр земледелия.

— К сожалению, нет. По рассказам осведомителей, он с утра до вечера готовится, хочет, чтобы ритуал прошел безупречно и путешествие души умершей к Прекрасному Западу, а впоследствии и ее пребывание в лучшем мире было счастливым.

— Что ж, весьма похвальное занятие. Но посмотрим правде в глаза: третий из Тутмосов не имеет ни желаний править страной, ни необходимых для этого задатков.

— И что ты посоветуешь?

— Вы — члены Большого совета, вот и убедите его избрать другого фараона.

— Невозможно! Тутмос — избранник самого Амона.

— Тутмос ничего не хочет знать, кроме своих ритуалов, храмовых дел и древних писаний! Пусть все идет по-старому: пусть правит номинально, но мы должны принять необходимые меры.

— Это какие же?

— Бразды правления возьмете вы.

— Мой долг — повиноваться фараону, — возразил Узер.

— В нынешних обстоятельствах это губительная надежда! Удалите его от дел, как можно меньше о них рассказывайте — и решайте все сами. Со временем народ забудет о Тутмосе и вас призовут заменить его, а администрация на всех уровнях это решение поддержит.

Понимая, что таково мнение высшего чиновничьего аппарата и к нему следует прислушаться, первый министр сказал:
— Я подумаю.

3

Завтра под моим руководством пройдет церемония похорон женщины-фараона Хатшепсут. Она упокоится в своей вечной обители, в левобережной, западной части Фив. Я тщательно проследил за всеми этапами мумификации, чтобы ее бранные останки стали средоточием света, способным вечно витать по просторам рая...

Страна скорбит, и главное сейчас — молчаливая благочестивая сосредоточенность. Поэтому-то я и отказываюсь общаться с внешним миром, зная, что очень скоро он поглотит меня. Сейчас же главное — снабдить женщину-фараона всем необходимым на пути к звездам, к Обители Предков.

Еще чуть-чуть, и мне не будет спасения от своры чинуш, думающих только о том, как бы меня отстранить, чтобы власть перешла к распорядительному совету — сначала «временно», а потом и навсегда.

Дворцовые сады чудесны! Я не устаю любоваться ирисами и лотосами, растущими в тени персёй¹. Здесь обычно предаются размышлениям Небету, женщина преклонных лет, подруга и наперсница моей матери. В свое время она управляла Домом Царицы, где юные девушки обучаются чтению, письму, ткачеству, игре на музыкальных инструментах, а еще учатся вести хозяйство в доме или усадьбе.

Небету добросердечна, хоть и не без строгости, и тщательно следит за своей внешностью. Немного косметики на лице, плиссированное платье из царственного льна, волосы надушены... Она умеет ободрить, всегда находит нужные слова. Вот

¹ Разновидность семейства лавровых. (*Примеч. пер.*)

и сейчас, высказанное после долгого раздумья, ее мнение станет решающим.

— Ничего, если я вас побеспокою?

— Присядь вот сюда!

Прекрасный летний день, момент затишья перед вихрем устрашающих событий.

— Не стоит так себя изводить, — с уверенностью говорит она. — Потому что выбора у тебя нет. Ты родился фараоном и фараоном останешься. Все прочие рассуждения — пустое.

— Но я так мало знаю об управлении государством!

— Это всего лишь отговорки, благо твои родители их не слышат. Если так распорядилась судьба, противиться бесполезно. Твой путь предначертан свыше, все предрешено, поэтому единственная возможность для тебя — это идти по нему. Ты — царь, так стань же им!

— С чего начать?

— Самые важные для тебя сейчас люди — это первый министр и наставница певиц и танцовщиц в Карнаке. Первый держит в руках администрацию, вторая, моя близкая подруга, станет для тебя неоценимым союзником в богатейшем храме бога Амона.

— Узер, первый министр, незыблем, как гранитная глыба!

— А ты будь таким, как пирамиды! Ты либо подчинишь его себе, либо он тебя растопчет. И в этом случае все то, чему ты долгие годы учился, окажется ненужным.

Такой отповеди от всегда сдержанной Небету я не ожидал.

— Понимаешь ли ты всю важность момента? Со дня на день государство с многовековой историей может рассыпаться, и виноват будешь ты, если не придешь наконец в чувство! Сейчас не время уединяться и размышлять. Народу нужно указать путь, и это твой долг. Посланная Сетом гроза — тебе предупреждение: не теряй ни минуты!

Я смотрел на госпожу Небету, устремившую взгляд в небо, и не узнавал ее. Ничего другого я от нее в тот день не услышал.

Все красоты этого сада, его спокойствие... Иллюзия. Надвигается гроза, и усмирять ее придется мне.

Счастье, *мое* счастье — рушится. В стенах храма, вдалеке от всего мирского, я не имел никаких желаний. Вникать в наставления древних — для меня верх блаженства, вместе со жрецами участвовать в ритуалах — бесценная привилегия.

Своими словами Небету сокрушила стены моей крепости, развеяла туман, в котором я укрылся. В тот миг я почувствовал себя нагим, и мне уже нигде не спрятаться...

Для начала мне предстояло освоиться в царском дворце, этом вместилище власти. Приемные покои, с залами просторными и не очень, уединенный дворцовый храм, архивы, рабочие комнаты писарей, апартаменты фараона — во время траура всюду было пусто. Своими делами занимались только уборщики и прочая прислуга.

Эта тишина меня не успокаивала. Послезавтра всюду снова закипит бурная деятельность, и все будут ждать приказов государя, в чьем распоряжении куда меньше часов, нежели важных дел. Но разве фараон не «первый слуга»¹ богов и своего народа?

Прочные колонны, стены ослепительной белизны с фресками, изображающими картины природы и птиц, элегантная, без излишеств мебель и, конечно, строгий трон с ножками в виде бычьих копыт, на который фараон садится, чтобы выслушать своих советников, все как следует обдумать и сказать решающее слово...

Трон пока пустует, и это тревожит и страшит все население Египта.

Первое, что я почувствовал, глядя на него, — сильный страх. Но взгляда не отвел, и очень скоро случилось невероятное — я ощутил магию корон, возложенных на меня в восьмилетнем возрасте. Сам того не заметив, я стал другим

¹ Иероглиф, которым чаще всего обозначали фараона, — *hem*, т. е. «слуга». Традиционно переводится как «величество», что неверно.

человеком. Царственная сущность обосновалась во мне, преобразая мое сердце, направляя длань.

Никто не может занять Трон Живых и делать то, что ему заблагорассудится. Он порождает круг обязанностей, и долг фараона — их исполнять...

4

Погребение Хатшепсут завершилось запечатыванием входа в усыпальницу, вырубленную в горе в труднодоступном месте, неподалеку от ее храма в Дейр-эль-Бахри¹. Окруженная магическими предметами и прочими вещами, необходимыми в загробной жизни, она упокоится рядом с моим дедом, первым из Тутмосов, основоположником династической ветви, третьим представителем которой я являюсь.

Сановники смотрят на меня с жалостью. Траур кончился, и я вот-вот вернусь в свою обожаемую библиотеку, оставив управление страной на первого министра с его ставленниками... Интересно, будет ли мне позволено появляться на празднествах, ради народного спокойствия, или же он планирует меня устранить, грубым способом или незаметно, как только объявится преемник?

Не слишком доверяя солдатам охраны, которыми командовал Узер, я попросил двух друзей детства, Минмеса и Маху², быть рядом и позаботиться о моей безопасности. Мы вместе учились в школе придворной элиты. Принимали в нее учеников из разных сословий, даже скромного происхождения, но обучение они получали наилучшее, как в плане умственного, так и физического развития. Выпускников школы ждало самое радужное будущее:

¹ Автор использует современное арабское название археологической зоны в окрестностях Луксора, включающей храмы фараонов Ментухотепа II, Хатшепсут и Тутмоса III. (*Примеч. ред.*)

² Минмес означает «рожденный богом Мином»; Маху также известен под именем Амен-эм-хеб, что означает «Амон радуется».

кто-то становился высокопоставленным чиновником, а кто-то — главным скульптором, судостроителем, армейским командиром.

Рослый, толстошей и широкоплечий, с огромными кулачками, Маху подался в солдаты. В рукопашном бою он не знает себе равных, лучник тоже первостатейный и уже командует полком пехотинцев, занятых бесконечными упражнениями. Сколько себя помню, Маху всегда смотрел на меня с благоговением и поклялся защищать, что бы ни случилось.

С Минмесом, сыном простого ремесленника, нас связывает нерушимая дружба. Наделенный острым умом, он страстно увлечен архитектурой, изучает строительные техники. Наблюдательный, все схватывающий на лету, острый на язык, Минмес обладает даром всюду скользить незамеченным, собирая сведения и располагая к откровенности. Никому и в голову не приходит остерегаться этого невысокого, коротко стриженного юноши с непримечательным лицом, скромно одетого. О, сколько вечеров мы с Минмесом провели за чтением поучений Птахотепа, посвященных искусству управления государством!

Во время похоронной церемонии два моих наперсника глаз не спускали с приставленных ко мне телохранителей. Облаченный в одеяние, имитирующее шкуру леопарда, я открыл глаза, рот и уши покойницы, покинувшей этот мир и в то же время всегда присутствующей среди нас.

Правление одного властителя подошло к концу, еще немного — и его место займет другой.

Если первый министр планирует меня устранить, не это ли самый удобный момент?

Похороны завершились, и повисла долгая тишина. Все переглядывались, ожидая моих приказаний.

В последний раз почтив усопшую, я стал спускаться во главе процессии по узкой тропе к подножию горы. Сейчас кто угодно мог ударить меня в спину, а защитить — только два моих друга.

Под палящим солнцем мы всё шли и шли, пока наконец впереди не показалась пристань. Сил у нас хватало, и хотелось поскорее переплыть на другой берег Нила.

Уже на борту мы выпили воды и пива. Когда большую часть солдат сморил сон, передо мной склонился в поклоне капитан:

— Где прикажете причалить?

— Возле Карнакского храма.

Десятый день второго летнего месяца...¹ День, когда я настоящему начинаю царствовать. И знают об этом только боги.

Капитан ловко лавировал между песчаных отмелей, и разнонаправленные течения нашему судну были нипочем. И все же он вздохнул с облегчением, вырулив в канал, который вел к причалу возле храма Амона, подателя побед и повелителя Фив.

Наше неожиданное появление вызвало панику. Гостей тут не ждали, и всем было не до протокольных формальностей.

От берега уже бежали гонцы — уведомить местные власти. Еще бы, верховный жрец Амона, под началом которого пребывала масса чиновников и жрецов, управлявших колоссальным и очень богатым храмом, — один из высочайших и влиятельнейших сановников в стране. Сделать что-либо вопреки его воле было бы грубейшей ошибкой. И все же я ему не слуга. Это он обязан мне подчиняться.

Я решил не спешить, давая жрецам время все организовать. Солдаты почтительно выстроились вдоль дороги, и мы с моими двумя друзьями сошли на берег.

Мне навстречу выбежала дюжина сановников. Впереди всех — пузатый коротышка, с трудом переводящий дух.

— Н-нас не предупредили!

— Проводи меня в храм, туда, где проходит инициация царей.

Через двадцать два года после коронации я намеревался все повторить, только с полным пониманием происходящего.

Встретил меня Пуйемре, второй жрец Амона, — мужчина в годах, с морщинистым лицом и пронизательным взглядом.

¹ Около 28 апреля.

— Верховный жрец в отлучке, — с сожалением сообщил он.

— Значит, церемонию проведешь ты.

Кого-то из жрецов послали за красной короной Нижнего Египта и белой — Египта Верхнего, и Пуйемре сопровождал меня в святилище, где мои предшественники получали божественную силу, ибо без нее фараон не способен исполнять свои обязанности.

Два жреца, изображающие богов Гора и Тота, один в маске в виде головы сокола, второй — в маске ибиса, встали слева и справа от меня, и из ваз их пролились потоки света, воскрешая ритуалы, пройденные мною в ранней юности, те самые, что сделали меня фараоном.

— Ты — победоносный бык, и господство твое — на многие лета! Короны твои священны, преобразование необратимо. Ты — сын Тота, — проговорил Пуйемре, перечисляя мои коронационные имена. — Так стань же сегодня повелителем силы и величайшего могущества! Стань грандиозным храмом, в котором любой из твоих подданных обретет свое место. Стань фараоном!¹

5

Шестидесяти с лишним лет от роду, неутомимый труженик и умелый руководитель, Менх Старший² занимал один из высочайших постов в государстве — пост верховного жреца Амона в Карнаке. Он не только выполнял обязанности жреца,

¹ Именно Тутмос III ввел в обращение слово *per-âa*, впоследствии трансформировавшееся в «фараон», и означало оно «большой храм, большое жилище, большой дворец», где каждый из его подданных находил вечное прибежище.

² Полное имя — Менхеперре, что означает «луч божественного света попадает в цель». Иногда употребляется с приставкой *seneb*, «последовательный».

но также управлял богатейшим святилищем, который фараоны старательно украшали и расширяли. Драгоценные металлы, поля и стада домашнего скота — всего этого в храме Амона имелось в избытке, и работали там люди всех ремесел. Могуществу и защите Амона, Сокрытого, страна обязана своим освобождением от чужеземного господства: встав во главе армии, правители Фив, воодушевляемые своим божеством, одержали победу и прогнали поработителей-гиксосов. Так Фивы стали новой столицей Двух Земель, однако не затмили древний Мемфис, величественный город на севере, на рубеже Верхнего и Нижнего Египта.

За долгие годы службы, медленно поднимаясь по иерархической лестнице карнакского жречества, Менх Старший показал себя человеком осторожным, умеренных взглядов. Заняв же верхнюю ступень, он не считал это ни привилегией, ни синекурой. Каждый день приносил свою долю трудностей и забот, и Менх Старший все чаще подумывал передать свой пост ближайшему помощнику — сыну, Менху Младшему, благо опыта у того хватало.

А пока этот счастливый день не настал, приходилось решать текущие проблемы. И как показала тайная, с глазу на глаз, встреча с первым министром, они были крайне серьезными. Пока царствовала Хатшепсут, Менх Старший занимался своим храмом и в борьбе за власть не участвовал. Но теперь он оказался вовлечен в гущу событий, пусть и не по своей воле, со всеми сомнительными и неприятными моментами, связанными с этой новой ситуацией.

Траур кончился, но главный вопрос еще предстояло решить — кто же будет по-настоящему править? Менх Старший был уверен, что первый министр Узер, чья честность не вызывала сомнений, только об этом и думает. Узер тоже был уже в годах и не отличался ни обходительностью, ни светскостью манер; высокий государственный пост и связанная с ним ответственность не умерили его суровости, и оспаривать свои решения он тоже не позволял.

На рабочем столе первого министра лежал целый ворох папирусов. Счета, которые нужно проверить. И хотя писцов в казначействе было много, Узер всегда делал это сам, даже если приходилось не спать ночами.

Жестом он предложил гостю присесть в кресло из сикомора с высокой спинкой.

— Ваше мнение?

— По поводу чего?

— Не притворяйтесь, что не понимаете, Менх! У нас не детские игры. Что вы думаете о третьем из Тутмосов?

— Я — преданный слуга фараона, и...

— Я тоже, но проблема не в этом! Полагаете ли вы, что он способен управлять Двумя Землями и обеспечить их процветание?

— Это не мне решать.

— Не будем ходить вокруг да около! Никто из моих министров не видит в Тутмосе достойного главу государства. И я разделяю их опасения.

— Действительно, наш владыка много времени посвящает учебе и благочестивым размышлениям. Его познания в сочинениях древних впечатляют, так же хорошо он знает наши ритуалы. Он целые дни проводит в библиотеке Дома Жизни.

— Скажите, в последнее время вы с ним встречались?

— Незадолго до смерти царица распорядилась разъяснить Тутмосу принципы управления Карнакским храмом, в частности откуда поступают запасы пищи, какие над ними совершаются ритуалы и как они впоследствии распределяются.

— И ваш рассказ его заинтересовал?

— Он ни разу не перебил, однако я не уверен, что он правда меня слушал.

— Сделал какие-нибудь замечания?

— Ни единого.

Первый министр с трудом сдерживал раздражение.

— Мы с вами управляем колоссальными богатствами, благодаря которым каждый житель страны имеет крышу над головой и ест досыта. Малейшая небрежность приведет к краху, и вся структура рухнет. Если царь, недостойный своего сана, не удержит кормило власти, корабль даст течь.

— И что вы предлагаете?

Первый министр беспокойно прошелся по комнате.

— Признаться, вы — моя последняя надежда.

— Я?

— Разве не в ваших руках вся власть — духовная и реальная? Глас верховного жреца Амона слышен далеко за пределами храма, и репутация ваша чиста. И, судя по вашим прошлым достижениям, вы — человек умный и способный.

— Не хотите же вы сказать...

— Спросим у Амона еще раз! Что, если правление Тутмоса завершилось в тот же час, что и правление Хатшепсут?

Ошеломленному Менху Старшему захотелось провалиться сквозь землю, лишь бы не отвечать.

В беседу двух сановников вмешался писец, давая жрецу желанную отсрочку. Он вручил первому министру маленький свиток папируса.

На документе стояла царская печать. Узер внимательно прочел короткий текст, потом с растерянностью взглянул на собеседника:

— Тутмос созывает во дворец всех чиновников высшего ранга, включая и нас с вами. Сегодня вечером, с заходом солнца.

6

Когда Тутмос сел на Трон Живых, первый министр был поражен не меньше своих подчиненных. Кто этот человек с высоким лбом, крупными ушами, прямым носом, тонкими губами и твердо очерченным подбородком, столь повелительно смотрящий на собравшихся? Из царских головных уборов он вы-

брал самый древний, наделяющий мысль фараона способностью преодолевать пространство и время, из одежды — темную льняную тунику и плиссированную набедренную повязку с поясом, на котором было начертано его собственное имя. Очень рослый¹, стройный... Чем не «могучий бык», «золотой сокол в расцвете своей магической силы», сын Амона во плоти, неразрывно связанный с божеством, его породившим?

Уж не грезит ли он, Узер, наяву? Кто посмел занять место неприметного любителя ритуалов Тутмоса, узурпировать царскую власть? Еще мгновение — и мираж рассеется... Мгновение, которое всем присутствующим показалось вечностью.

Наконец прозвучал глас фараона.

Глас третьего из Тутмосов, звучный и решительный.

— Я оставляю на посту Менха Старшего и приказываю ему закончить кварцитовый зал² для священной ладьи Амона, строительство которого началось при моей предшественнице, царице Хатшепсут. Отныне он будет называться «Место, где пребывает сердце Амона», дающее мне силы. Две огромные каменные статуи моих предков-фараонов³ будут воздвигнуты в Карнаке.

Менх Старший, у которого отлегло от сердца, склонился перед повелителем. Этот приказ полностью соответствовал его собственным чаяниям.

По тону государя можно было угадать, какие еще последуют распоряжения: верховного жреца Амона он пощадил, показав себя искусным дипломатом, но уж первого министра с приспешниками наверняка отстранит, чтобы раздать должности тем, кому доверяет...

Пораженный столь внезапным преображением, Узер и не думал бунтовать. У страны появился молодой решительный правитель? Что ж, тем лучше...

¹ Рост Тутмоса III составлял 1,75 м.

² Речь идет о так называемой «Красной капелле Хатшепсут». (*Примеч. пер.*)

³ Изваяния Аменхотепа I и Тутмоса II перед восьмым пилоном храма.

Улыбка заиграла на устах некоторых сановников — так они радовались, что первый министр, временами уж слишком бескомпромиссный, повержен. Но кого же царь назначит на это место? Конечно же, чиновника опытного, которого не страшат интриги и происки врагов!

— Узер со своими министрами остаются при своих должностях, — постановил царь. — Они показали себя хорошими управленцами.

Присутствующие оцепенели от изумления. Не совершает ли Тутмос роковую ошибку? Вместо того чтобы возвысить своих приближенных, создать свою администрацию, он решил сохранить людей Хатшепсут!

Сорокалетний сановник с красивым аристократическим лицом выступил вперед:

— Ваше величество позволит?

— Мы слушаем, говори!

— Я — Антеф, главный глашатай и ваш личный секретарь. Прикажете и впредь обнародовать ваши повеления?

— Такова моя воля.

Антеф поклонился. Он тоже сохранил за собой место, ко всеобщему удивлению.

— Завтра после утреннего церемониала, который я сам проведу в храме Амона, повелеваю всем министрам собраться во дворце, — сказал Тутмос. — Хочу знать, что не в порядке в государстве, и не смейте ничего скрывать. Лжи и уверток я не потерплю.

* * *

В тавернах и на улицах столицы вино и пиво лились рекой — и все за счет казны. Старик охотно присоединился к народному ликованию: вопреки ужасающим прогнозам, у Египта снова был царь, чьи права не оспаривались никем. И эта новость, распространившаяся со скоростью ветра, развеивала все опасения.

— Хорошо-то как! — воскликнул, пошатываясь, его работник.

— Может, тебе уже хватит?

— Сегодня такой день, что можно! Теперь конец всем тревогам...

— Говори за себя, приятель!

Работник удивленно вскинул брови:

— А тебя что не устраивает?

— Во дворце новый виночерпий. Будет он заказывать наше вино или нет, не знаю.

— А когда это выяснится?

— Завтра утром.

* * *

Узнав, что виночерпий царицы-фараона по собственной воле оставил службу, Тутмос назначил на это место своего друга Минмеса — теперь он будет надзирать за всем, что подается к столу государя, будь то пища или напитки. И не только надзирать, но и пробовать на вкус, прежде чем предложить это царю. Также под его начало перешла команда искусных поваров, в чьи обязанности входила подготовка званых пиров.

Новый виночерпий — доверенное лицо и близкий друг фараона... Эта новость разлетелась по дворцу, и придворные и просители всех мастей принялись обхаживать Минмеса, чтобы получить от него побольше привилегий. Но не таков был Минмес: все их усилия наталкивались на непробиваемую стену. Вместе с властями Карнака он разрабатывал первый план строительства, уже утвержденный Тутмосом, и на льстецов у него не оставалось ни минуты. Минмес привык к другой, ремесленной среде, поэтому самых назойливых подхалимов отвадил быстро.

«С виду парень неказистый, — рассудил про себя Старик, давая новому виночерпию на пробу свое лучшее вино. — Но надо держать ухо востро: он явно не мямля и не вертопрах».

Минмес не спеша потягивал красное вино, снабженное пометкой «Трижды отличное».

— Гармоничное, с долгим послевкусием и при этом легкое! Одним словом, восхитительное! Я покупаю все вино, которое у тебя есть.

— К чему такая спешка? Сначала договоримся о цене.

— Назначай свою!

— В обмен на двадцать кувшинов — пару коров, три горшочка с притираниями, пять пар сандалий и кресло.

— Дороговато!

— Изготовление такого вина — это искусство.

— Твоя правда, и все же...

— Ладно, за ту же цену — еще кувшин белого, того же качества, и обещаю, что и впредь вино будет отличное.

— Это мне подходит. Первая поставка — сегодня. Но это еще не все...

Старик насторожился, опасаясь подвоха, и доверительный тон Минмеса только подтвердил его опасения.

— Сдается мне, ты человек здравомыслящий.

— Это с какой стороны посмотреть.

— Я собираюсь хорошо служить моему царю, а служить означает и добывать для него сведения. Согласен ли ты — конечно, за неплохое вознаграждение, — держать меня в курсе всего, что говорят люди, и ничего не приукрашивать?

— А ты не станешь проверять?

— Нет. Передам все как есть.

Старик потер подбородок:

— Глас народа... Это даже интересно. Но у меня два условия: вознаграждения не надо, и чтобы это было во благо.

7

Первое совещание глубоко впечатлило его участников-министров. Тутмос на практике применил максимум мудреца Птахотепа, чьи «Наставления» знал на память: «Тот, кто больше слушает, больше понимает». Он внимательно слушал Узера

и других чиновников. Министры по очереди изложили, с какими трудностями столкнулись в порученных им сферах.

Антеф, личный секретарь суверена, все время что-то записывал, равно как и Минмес, слушавший с большим вниманием. Этим двоим предстояло стать глазами и ушами царя, который в конце утреннего, довольно продолжительного совета ограничился тем, что напомнил своим приближенным о главном принципе: единстве Верхнего и Нижнего Египта, Юга и Севера.

Пройдя это испытание, которого страшился, первый министр уже не сомневался в способностях Тутмоса III и в его стремлении стать хорошим правителем. Но хватит ли одних благих намерений? Нужна некая магия, незаурядные способности... Недостойного верховная власть попросту сокрушит. Царица-фараон Хатшепсут преодолела это препятствие ценой больших усилий, но удастся ли это молодому Тутмосу?

Критики приумолкли, но только на время, до первого удобного случая. И народ... Полюбит ли он своего царя, поверит ли ему? В противном случае царствование обернется провалом, и пострадает от этого целая страна.

* * *

Я пообедал в компании Минмеса, принесшего мне на пробу отличного вина. Нильский окунь с гарниром из лука-порей тоже был выше всяких похвал.

— Что думаешь о моих министрах?

Виночерпий заглянул в свои заметки:

— Скажу, что люди они серьезные, хоть и не без самодовольства, и критики не терпят. По-моему, они скрыли от тебя некоторые недочеты. Чтобы в этом убедиться, мне нужно время, но я все сделаю. Тогда и будешь решать.

— А Узер?

— Ты его удивил, а с такими, как он, многоопытными царедворцами, это случается нечасто. Окончательного мнения он еще не составил, так что поблажек от него не жди.

- Хочешь сменить его на посту?
- А этого делать нельзя! Ты пока не разобрался в делах, и без Узера не обойтись.
- Думаешь, он не предаст?
- Узер считал тебя посредственностью и, я уверен, намеревался сместить. А теперь он в раздумьях.
- А что Антеф, мой глашатай и личный секретарь? Вы поладили?
- С чего бы? Он — человек хитрый, изворотливый и хваткий.
- То же самое он мог бы сказать о тебе, ты не находишь?
- Минмес едва заметно усмехнулся:
- Может, и так. Я за ним присмотрю.
- А где ты раздобыл это вино?
- Привез местный виноградарь, все зовут его просто Старик. Цена, конечно, непомерная, но зато он согласился рискнуть и побыть выразителем народных мнений. И это, в отличие от вина, — бесплатно.

* * *

Даже другу Минмесу я не рассказал, как страшно мне стало после того, самого первого совета, — я понял, что на самом деле меня ждет. Ответственность за три миллиона живых душ, за процветание страны, чьим богатствам завидуют враги явные и тайные, за величественную цивилизацию, породившую государство Маат, за сплоченность в обществе, за пирамиды, храмы, письменность и науки... За тысячелетнюю культуру, цель которой — стать прибежищем богов и победить смерть. Я решил, что могу управлять этим царством, — было ли это легкомыслием или безумством? Но отступить мне теперь некуда, как и незачем упиваться своими страхами.

Минмес прав — мне еще многому предстояло научиться. И лучшего наставника, чем теперешний первый министр, не найти. Узер упрям и неуступчив, зато хорошо знает свое дело и то, как все в государстве устроено и управляется. Поэтому я последую совету госпожи Небету...

Літературно-художнє видання

ЖАК Крістіан

Фараон

Роман

(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *А. О. Колюбакина*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 02.07.2019. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 21,84. Наклад 4500 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24. Е-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, м. Харків, вул. Різдвяна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

ЖАК Кристиан

Фараон

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *А. А. Колюбакина*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 02.07.2019. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 21,84. Тираж 4500 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24. E-mail: corp@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Після смерті цариці Хатшепсут Єгипет поринув у жалобу. На думку наближених цариці, її наступник Тутмос III цілком не здатен правити. Народ скаржиться, у провінціях зріє заколот, вищі чиновники плетуть змови. А молодий фараон захоплений тільки давніми текстами й ритуалами. Він не може правити, поки не має дружини. Красуня Меритре, дочка храмової наставниці, стала б для нього чудовою партією. Але серце Тутмоса належить арфістці Сатї, дівчині з простої родини. Чи погодиться вона прийняти тягар влади в палаці, повному підлесників та інтриганів, у такий тяжку для Єгипту годину?

Жак К.

Ж22 Фараон : роман / Кристиан Жак ; пер. с фр. Н. Чистюхиной. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 416 с. : ил.

ISBN 978-617-12-6067-2

ISBN 978-2-37448-102-9 (фр.)

После смерти царицы Хатшепсут Египет погрузился в траур. По мнению приближенных царицы, ее наследник Тутмос III совершенно не способен к правлению. Народ ропщет, в провинциях зреет мятеж, высшие чиновники плетут заговоры. А молодой фараон увлечен лишь древними текстами и ритуалами. Он не может править, пока у него нет супруги. Красавица Меритре, дочь храмовой наставницы, стала бы для него прекрасной партией. Но сердце Тутмоса принадлежит арфистке Сатье, девушке из простой семьи. Согласится ли она принять бремя власти во дворце, полном льстецов и интриганов, в такой трудный для Египта час?

УДК 821.133.1